«Прошу позаботиться о семье Маршака, находящейся в Казани»

(Эвакуированные в Татарии в годы Великой Отечественной войны)

С каждым годом становится все меньше тех, кто прямо или косвенно был связан с событиями осени 1941 г. Тогда развернулась битва за Москву и еще никто не знал, каким будет ее итог.

30 сентября 1941 г. немецкие войска начали наступление в направлении Москвы. И к середине октября они приблизились к столице на 80-100 километров. Началась эвакуация правительственных учреждений, дипломатического корпуса, а также крупных оборонных заводов, научных и культурных учреждений. 19 октября 1941 г. в столице и прилегающих районах было объявлено осадное положение.

Целый ряд московских предприятий — авиационный завод им. Горбунова, машиностроительный завод, обувная фабрика им. Локкерта, кондитерский комбинат «Большевик», лентоткацкие, плетельные фабрики, проектные и снабженческие организации, конструкторские бюро, главки — прибыли в Казань. Здесь же разместились основные институты Академии наук СССР и ее президиум во главе с вице-президентами О. Ю. Шмидтом и Е. А. Чудаковым, Наркомфин СССР, Госбанк, Главное управление воздушного флота, Центральная радиостанция РВ-84 и другие учреждения.

Эвакуированные стали прибывать в нашу республику еще раньше — в первых числах июля[1]. Для их приема был организован ряд эвакопунктов, в том числе на пристани и при железнодорожной станции «Казань»[2]. Началось размещение эвакуированных в городских квартирах путем уплотнения и за пределами города. Руководил пропиской вновь приезжающих Казгорисполком[3].

Жилья катастрофически не хватало. Потребовалось специальное решение Казгорисполкома о ликвидации ряда общежитий, как-то Дома крестьянина на ул. Парижской Коммуны и управления рынками на ул. Лозовского. Также в порядке уплотнения переселялись организации: горсвет с ул. Кирова в помещение гордорстроя на ул. Парижской Коммуны, наркомсобес с ул. Астрономической в помещение Наркомпроса, ТатНИИ языка и литературы в помещение Дома печати. В общей сложности 25 организаций сменили свои адреса, и у двенадцати были изъяты «излишки» помещений[4].

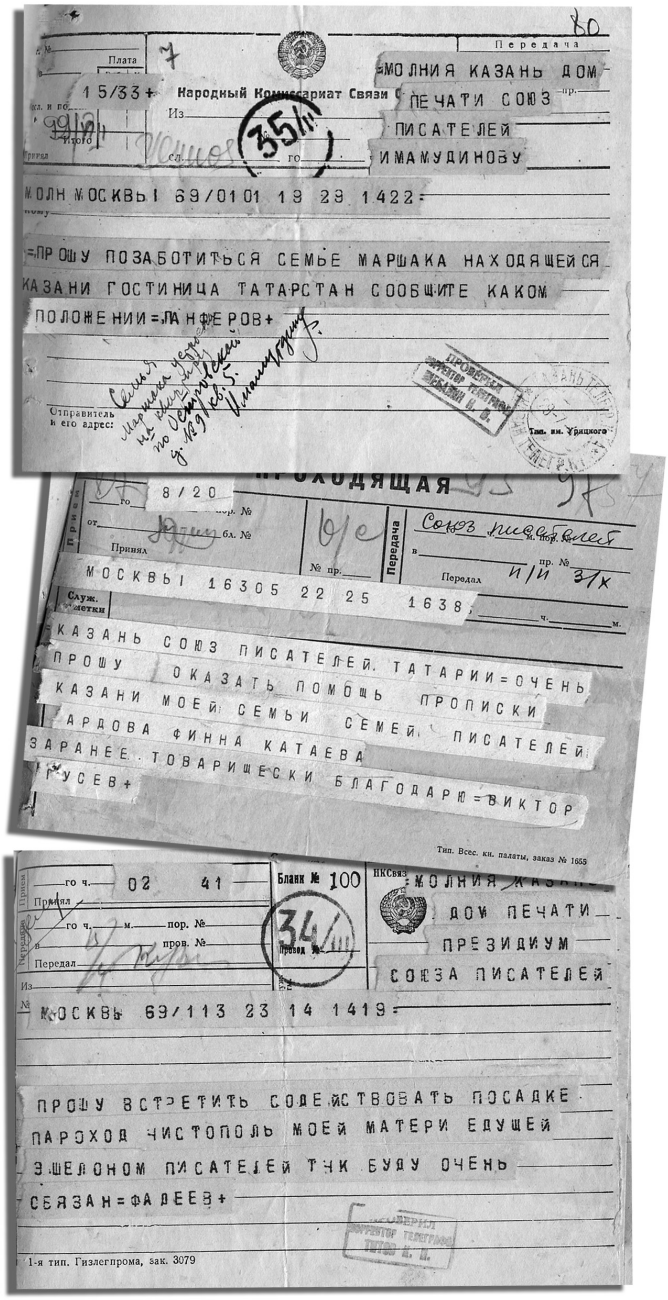
Через месяц после начала войны в Татарии было размещено более 47 тысяч человек из прифронтовой полосы г. Москвы. К середине августа 1941 г. эта цифра увеличилась до 163 тысяч[5]. К декабрю 1941 г. общее число эвакуированных достигло 266 тысяч человек[6].

Для координации деятельности всех структур, занимавшихся размещением эвакуированных, 9 июля 1941 г. при Совнаркоме ТАССР был создан Совет по эвакуации[7]. При исполкомах городских и районных советов депутатов трудящихся организовывались комиссии, также занимавшиеся проблемами размещения и трудоустройства эвакуированных.

А проблемы действительно были.

Многие прибывавшие с эшелонами или на пароходах организации и учреждения не имели сопровождающих, не говоря уже о списках эвакуированных. Были случаи, когда в нашу республику прибывали те, кого не смогли принять другие города — Горький, Чебоксары, Ульяновск, Куйбышев[8]. В архиве сохранилась телеграмма коллегии народного комиссариата путей сообщения в Совнарком ТАССР от 23 июля 1941 г., директивно требовавшая: «Находящиеся в пределах дороги 2 эшелона по 60 вагонов назначением в Ульяновск, 2 эшелона [по] 90 вагонов назначением [в] Свердловск и 2 эшелона [по] 101 вагон[у] назначением [в] Омск с эваконаселением разгрузить в пределах ТАССР»[9].

Эвакуированных наряду с Казанью принимали Тетюши, Апастово, Буинск, Новошешминск, Билярск, Чистополь и другие населенные пункты. Среди прибывающих было много известных деятелей науки и культуры, те, чьими именами и поныне гордится наша родина.

НА РТ, ф. Р-7083, оп. 1, д. 138, л. 80, 97, 99.

Сохранились многочисленные телеграммы из Москвы в Союз писателей Татарии с просьбой оказать содействие в приеме и размещении творческой интеллигенции. «Прошу позаботиться [о] семье Маршака, находящейся [в] Казани, гостиница “Татарстан”. Сообщите, [в] каком положении», — обращался секретарь президиума Союза советских писателей СССР А. Фадеев 29 августа 1941 г. к секретарю Союза советских писателей ТАССР Т. Имамутдинову[10]. Или другая телеграмма тому же адресату от писателя В. Гусева от 3 октября 1941 г.: «Очень прошу оказать помощь [в] прописке [в] Казани моей семьи, семей писателей Ардова, Финна, Катаева»[11]. Телеграмма-молния из Москвы в президиум Союза советских писателей ТАССР от 15 октября 1941 г.: «Прошу встретить, содействовать посадке на пароход в Чистополе моей матери, едущей эшелоном писателей. Буду очень обязан. Фадеев»[12].

Из Москвы эвакуировались и дети

писателей. 18 июля 1941 г. Литературный фонд СССР обратился в президиум Союза советских писателей ТАССР с просьбой в оказании содействия приему и организации детских учреждений для них: «Ввиду того, что Литфондом СССР организован детский дом в Берсуте для детей писателей и намечено к организации детское учреждение в Чистополе для эвакуированных из Москвы детей писателей (всего Литфондом эвакуировано около 600 детей с матерями, на днях отправляется третий эшелон в составе около 200 человек), мы считаем необходимым просить президиум Союза советских писателей Татарской АССР срочно обсудить... помощь эвакуированным, с учетом местных условий»[13].

В сельской местности эвакуированные расселялись по школам, клубам, свободным домам, а с согласия колхозников — и по их домам. В Казани же это происходило, главным образом, за счет многоразового, как тогда называли, «уплотнения жильцов».

В ноябре 1941 г. было принято специальное решение Казгорисполкома, по которому райисполкомам предоставлялось право уплотнять, вселять и в необходимых случаях выселять граждан. При этом уплотнению подлежали все квартиры из расчета 2,5-3 кв. метра на человека. Решение распространялось на весь жилой фонд — дома местных советов, предприятий, учреждений, общественных организаций, дома личных собственников и застройщиков[14].

«В мирное время, — сообщал председатель Бауманского исполкома в Верховный Совет ТАССР в декабре 1941 г., — больших трудов стоило расселить несколько семей из аварийных квартир, а во время эвакуации в г. Казань населения и рабочих из прифронтовой полосы было расселено 303 381 человек и, кроме того, выселили более 100 квартир из одного жилого дома, предназначенных для госпиталя»[15].

Скученность жильцов была настолько большой, что, по сути, многие изолированные квартиры превратились в импровизированные общежития. В архиве сохранился уникальный документ — список 15 сотрудников редакции газеты «Пионерская правда», размещенных в комнате площадью 35 кв. метров! Причем это были не семьи, а именно сотрудники — ответственный секретарь редакции, литературный редактор, литработники, корректоры[16].

Эвакуированным в меру имевшихся возможностей и резервов оказывалась материальная помощь — до 100 рублей. Согласно распоряжению Совнаркома ТАССР от 19 августа 1941 г. для обеспечения питанием только эвакуированных детей из прифронтовой полосы было отпущено 510 тонн муки, 50 тонн кондитерских изделий, 33 тонны сливочного масла, 26 тонн колбасных изделий, 21 тонна мяса[17]. За осенние месяцы 1941 г. в порядке единовременного пособия временно впавшим в нужду было выдано 29 тысяч рублей, 2 271 пара валяной обуви, в основном детям военнослужащих и эвакуированных. За всеми этими цифрами бесчисленное множество человеческих судеб тех, кому Татария смогла помочь в нелегкий период эвакуации.

ПРИМЕЧАНИЯ:

1. НА РТ, ф. Р-128, оп. 1, д. 3638, л. 18.
2. Там же, ф. Р-326, оп. 1, д. 771, л. 100.
3. Там же, д. 748, л. 18.
4. Там же, д. 747, л. 63.
5. Там же, ф. Р-128, оп. 1, д. 3635, л. 26.
6. Там же, оп. 13, д. 176, л. 30.
7. Там же, оп. 1, д. 3637, л. 649.
8. Там же, д. 3635, л. 26.
9. Там же, д. 3638, л. 49.
10. Там же, ф. Р-7083, оп. 1, д. 138, л. 80.
11. Там же, л. 97.
12. Там же, л. 99.
13. Там же, л. 93.
14. Там же, ф. Р-326, оп. 1, д. 748, л. 45-46.
15. Там же, ф. Р-3610, оп. 1, д. 277, л. 33.
16. Там же, ф. Р-326, оп. 1, д. 763, л. 294.
17. Там же, ф. Р-128, оп. 1, д. 3488, л. 310.

Людмила Кузнецова,
кандидат исторических наук